

Хелена
Хейл

*От автора романа
«Лавандовый
ветер»*

ПЛОМБИР

*с шоколадной
крошкой*

Келена Хейл

ПЛОМБИР

*с шоколадной
крошкой*

ПЛЕЙЛИСТ

1. Timbaland — «The Way I Are» (feat. Keri Hilson)
2. Wale — «Bad Girls Club» (feat. J. Cole)
3. J. Cole — «Work out»
4. Timbaland — «Give It to Me» (Feat. Nelly Furtado & Justin Timberlake)
5. Florida (feat. T-Pain) — «Low»
6. Cardi B — «I Like It» (feat. Bad Bunny, J Balvin)
7. P. Diddy feat. Christina Aguilera — «Tell Me»
8. Rob Thomas feat. Santana — «Smooth»
9. Lil Jon feat. Tyga — «Bend Ova»
10. Shakira feat. Alejandro Sanz — «La Tortura»
11. Sting — «Desert Rose»
12. Outkast — «Ms. Jackson»
13. Teriyaki Boyz — «Tokyo Drift» (Fast & Furious)
14. French Montana feat. City Girls — «Wiggle It»
15. Destiny's Child — «Lose My Breath»
16. Tinie Tempah — «Pass out»
17. Jigg — «So Hot»
18. Zion & Lennox feat Daddy Yankee — «Yo Voy»
19. The Contours — «Do You Love Me»
20. Bill Medley and Jennifer Warnes — («I've Had») «The Time of My Life»
21. Britney Spears — «My Prerogative»
22. Nicole Scherzinger (ft. T. I.) — «Whatever U Like»
23. B. o. B. ft. Hayley Williams — «Airplanes»
24. Timbaland — «Bounce» (Feat. Dr. Dre, Missy Elliott, Justin Timberlake)

ПРОЛОГ

2018 год, Джерси-Сити, штат Нью-Джерси

МИКРОАВТОБУС НЕТОРОПЛИВО СКОЛЬЗИЛ по улицам Джерси-Сити, пропуская пешеходов. Накануне прошел снегопад, и дорожное движение до сих пор было замедлено. Водитель переключал радиостанции в надежде найти хотя бы одну не связанную с Рождеством песню, в итоге бросил эту затею, и теперь в салоне еле слышно пела Мэрайя Кэри.

Вечерние улицы были ярко освещены праздничными огнями: гирляндами, разноцветными фонариками, светящимися оленями, Санта-Клаусами и украшенными елками. В салоне автобуса же было темно и стояла тишина, нарушаемая лишь рождественской мелодией: после концерта труппа выбилась из сил, и все мечтали лишь об одном — уснуть крепким сном в мягкой постели.

Миссис Уайтстоун, наш хореограф, сидела лицом к нам. Она дремала, похрапывая, когда автобус подскакивал на снежных кочках: очки сползли набок, голова упала на шерстяной шарф, темные волосы выбились из-под шапки. Пусть она и не вы-

ступала, но нервов потратила с лихвой, переживая за каждую из нас, ведь сегодня состоялся отчетный концерт, от которого зависело наше будущее. Мы станцевали несколько номеров, которые ставила миссис Уайтстоун, чтобы продемонстрировать членам жюри все свои способности, а в финале исполнили спектакль «Ромео и Джульетта». Сейчас ноги у меня болели, голодный желудок протестовал, то и дело скручиваясь в спазмах. За десять лет занятий я успела возненавидеть балет, и мне было плевать на результаты просмотра.

А вот моя сестра Лусия широко улыбалась, глядя в окно. Она жила балетом и была счастлива, что жюри внесли ее в список стипендиатов. Лусия заметила, что я разглядываю ее, и резко обернулась, не переставая улыбаться. Пучок темных волос разметался и теперь больше походил на гнездо, черные глаза блестели неподдельной радостью.

— Каталина, ты выглядишь так, словно съела дохлую мышь, — шепнула она.

Я попыталась улыбнуться, Лу закатила глаза.

— Мы прошли, дурочка! Теперь перед нами открыты двери любого университета! А еще важнее, что скоро мы станем главными сестрами американо-мексиканского балета, и тогда... — Заметив, что я притворилась спящей, Лу ткнула меня в плечо. — Дева Мария, Каталина, что не так?

— Все прекрасно. Просто чудесно, — ответила я, крепче переплетая руки на груди.

Лусия сверлила меня взглядом. Ненавижу, когда она так делает.

— Ладно. Я знаю, где ты пропадала, когда прогуливала занятия, — внезапно выдала она.

Я выпрямилась и почесала нос. Такая у меня привычка: когда назревает необходимость солгать, сразу же безбожно чешу нос.

— Не вздумай лгать. — Она знала меня как облупленную. — Ты снова ходила на свои тряски задницей?!

Светоотражающие нашивки на ее куртке на мгновение ослепили меня, затем я собралась с мыслями и уточнила:

— Ты имеешь в виду мои *танцы*?

— Нет, я говорю о попотряске! С танцев мы едем сейчас, танцами мы занимаемся полжизни! — громко шептала сестра, чтобы не разбудить остальных. — Кэtti, ты должна усерднее заниматься балетом. Пойми, нас, полукровок, и так редко воспринимают всерьез, а тут на кону Принстонский университет и карьера!

— Лу, — тяжело вздохнула я, закрывая глаза, — меня тошнит от балета. R&B, хип-хоп, тверк, стрип-пластика — вот в чем я нашла себя. Я с детства ненавижу пуанты! А балетная пачка? Это же *анти*-сексуально, кочан капусты, прыгающий по сцене!

Лусия громко ахнула, потревожив миссис Уайтстоун — у той очки окончательно повисли на подбородке.

— Как ты смеешь?! Балет — это искусство, элитное, дорогое, изысканное направление! А то, что ты перечислила, больше похоже на дешевое порно. — Лусия насушилась и снова отвернулась к окну.

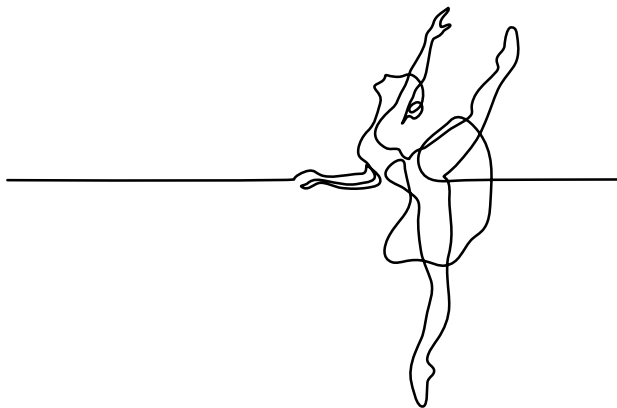
— Лу... пожалуйста, не говори пока папе. Но я собираюсь уйти из труппы, — совсем уж тихо сказала я, поглубже зарываясь лицом в шарф.

— Что?! Каталина, только через мой труп! Ты поступишь в Принстонский университет, слышишь меня? Если ты бросишь балет сейчас, то лишишься стипендии! И что дальше — бесполезный колледж без перспективы и уличный попотряс? — Лусия склонилась надо мной, источая аромат лака для волос и цветочных духов. — Как старшая сестра, я...

— Боже мой, она опять про разницу в сорок пять минут! — пропыхтела я.

— Вот именно, я на сорок пять минут лучше знаю этот мир, Кэтти, и с уверенностью могу сказать, что балет сможет проложить тебе дорогу в перспективное будущее, а то, чем занимаешься ты, и танцами-то не назовешь!

Я снова посмотрела на сестру, собираясь уже высказать все, что думаю о ней и о балете, но меня ослепил свет фар, а после были сильный толчок, боль и тьма.

ГЛАВА 1

2021 год, Принстон, штат Нью-Джерси

СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕЖИТИЕ располагалось на юге кампуса, в одном из шести колледжей Принстонского университета — в Колледже Батлера. Он представлял собой несколько невысоких построек из красного кирпича прямо напротив основного здания университета. У колледжа также был свой мини-сквер, а кампус, расстилавшийся на шестьсот акров, вообще больше был похож на отдельное поселение.

Если перейти через Элм-драйв, то ступишь на территорию Колледжа Уитмена. Его здание было светлее, с желтыми деревянными дверями и напоминало старинную крепость. В общем, чувствовалась здесь атмосфера Средневековья, рыцарей, готических мотивов и периода Регентства.

Осенью аккуратные лужайки покрывались оранжевыми и алыми листьями, летом ослепляли зеленью, весной кутались в ароматы цветущей природы, а зимой... зимой территория походила на склеп. Голые ветки деревьев торчали в разные

стороны, словно пики, готовые пронзить безалаберных студентов. Снег выбеливал все тропы, укрывал газон, и днем от него резало глаза, пусть ночью он и помогал разглядеть путь сияющими переливами.

Я знала это потому, что училась здесь уже третий год и не раз наблюдала за сменой сезонов. Что оставалось неизменным, так это шум, даже в каникулярный период. Тысячи студентов, тысячи голосов, десятки разных языков смешивались в Принстоне. Пятьдесят две тысячи долларов в год за то, чтобы получить образование, место в уютном общежитии и диплом университета Лиги Плюща.

«Тебе повезло стать стипендиатом» — так все говорили.

А мне по большей части было плевать на учебу, да и на свою жизнь в целом после кошмарного зимнего дня трехлетней давности, отнявшего у меня часть души.

Сейчас я брела на очередное занятие балетной труппы, пиная все, что попадет под ноги, и вспоминая мексиканскую брань. Пальцы на ногах ныли от мозолей, но я все равно безжалостно стучала кроссовками по бордюру, вымещая гнев. Приближался Хеллоуин, он же День мертвых: повсюду висели скелеты, ведьмы, тыквы, мексиканские и испанские закусовые были украшены расписными масками, черепами и желтыми бархатцами.

Мне, наполовину мексиканке, был ближе День мертвых, и с некоторых пор он стал для меня самым важным временем в году. В своей комнате я со-

оружала маленький алтарь с фотографиями мамы и сестры, рассыпала бархатцы и зажигала свечи. Мы с моей соседкой Джун не особо ладили, ее к тому же раздражал запах ладана, поэтому она тихо ворчала каждый год несколько дней с тридцатого октября по третье ноября.

Выйдя на Александер-стрит, я подождала, пока остановится пропускающий меня автомобиль, перебежала дорогу, наступив белыми кроссовками Reebok в глубокую лужу, и пошла по тротуару вдоль кафе, бранясь на чем свет стоит.

— Кэт!

Я надеялась, что звали не меня, поэтому ускорила шаг и пошла дальше.

— Каталина!

Черт.

— Ой, Холли, это ты! — облегченно вздохнула я.

— Ты что, делала вид, что не слышишь? — Холли встала в позу, приподняв бровь.

— Я правда не слышала! — ответила я и почесала нос.

Холли закатила глаза и причмокнула губами так, как умеют только истинные афроамериканки. Ее длинные ярко-розовые ногти норовили выколоть глаза прохожим, так бурно она перебирала пальцами в воздухе, сопровождая жестами каждую реплику. В эту серую дождливую погоду на ней были розовый полшубок и сапоги на шпильках.

— Ты на свое «Лебединое озеро» спешишь? — спросила она.

— Угу, — промычала я.

— Слушай... — Холли огляделась по сторонам, затем приоткрыла сумку и принялась в ней копаться. Со стороны все выглядело так, словно она собиралась толкнуть мне что-то нелегальное за бесценок. — Вот, возьми. Почитай на досуге. Если заинтересуешься, встретимся в «Эспачо» в восемь вечера.

Я взяла из ее рук листовку и, не глядя, пихнула в свою спортивную сумку.

— Спасибо, Холли.

— Надеюсь, до встречи, Каталина.

Роскошная девушка развернулась на каблуках и направилась к пешеходному переходу. Я продолжила браться по пути в студию.

И чего это Холли мной заинтересовалась? Она была студенткой выпускного курса, мы познакомились на одном из открытых занятий по танцам. Так как училась я на факультете гуманитарных наук и была стипендиатом благодаря балету, дисциплину «Танцы» мне в программу обучения включили автоматически. Холли занималась танцами в направлении хай-хилз, так что встретить ее без каблуков было равносильно встрече с йети. То есть практически невозможно.

В общем, наше общение с Холли Кэмпбелл ограничивалось открытыми занятиями. Друзей в Принстоне я не заводила и старалась держаться в тени. Даже девочки из балетной труппы, которые перешли в принстонскую группу вместе со мной, еще на первом курсе поняли, что к общению я не расположена. Я приходила на занятия, молча ста-

ралась, ответственно и качественно готовилась ко всем официальным выступлениям, ведь мы теперь представляли университет, но не вкладывала в танцы самого главного — душу.

А еще мне надоело придерживаться относительно правильного питания. Сколько бы я ни лезла из кожи вон, это было бессмысленно: стоило чуть увеличить порцию обеда или съесть что-то мучное, как задница вырастала вдвое — волшебство, не иначе. И мои ягодицы, и без того крупные, еще более несуразно смотрелись под бледной пачкой.

Я вообще была неординарной балериной, или, как когда-то говорила Лу, мы с ней секретный ингредиент крабсбургера. Без нас группа выглядела блекло, а с нами — аппетитно и ярко. В американском балете не устанавливали жестких стандартов фигуры — в великом русском балете, например, требовалось оставаться в форме зубочистки, — и Лу пророчила нам выступления на мировой сцене.

Но, по-моему, это с сестрой все на свете выглядело ярко. А теперь она забрала все краски мира и оставила меня в бесцветной вселенной. Если бы я сидела на ее месте в проклятом микроавтобусе, все закончилось бы наоборот. И сейчас я живу мечтой сестры, чтобы она реализовалась через меня. Так хотела бабушка, так хотел отец, так хотела Лу, мама, но только не я.

Балетный класс находился на втором этаже двухэтажного домика, ровные стены которого были выкрашены в бордовый цвет. На окнах крепились

кашпо, в которых летом цвели фиалки и анютины глазки. Взбежав по лестнице, я вошла в зал, где уже все были в сборе и готовились к занятию. В раздевалке я переоделась в боди, натянула гетры, пуанты, собрала кудрявые мелированные волосы в пучок. Вернулась в зал и встала к станку.

Крепления станка немного расшатались и поскрипывали. Миссис Уайтстоун — нашего хореографа тоже перевели в принстонскую группу — нажала Play на пульте, и из колонок полилась очередная классическая мелодия. Растяжку я выполняла на автомате, год за годом каждые два дня я повторяла одни и те же движения. Хорошо, что сегодня не репетиция и не нужно выкладываться и скакать по всему классу. Однако от продолжительных пируэтов закружилась голова, а когда мы выполняли бризе, я чуть ли не пицала от боли в истертых пальцах. Раньше я могла в течение получаса оттачивать кабриоль, глиссад или соте, не испытывая дискомфорта. Наверное, потому, что Лу выполняла все эти виды прыжков как бешеная антилопа, с таким заразительным энтузиазмом, что теперь... любое упражнение отдавалось внутри ноющей болью, которую не под силу было унять ни одному обезболивающему.

— Очень хорошо, девочки, — похвалила нас в конце занятия миссис Уайтстоун. В волосах преподавателя начала проскальзывать седина, осанка была уже не той. — Напоминаю вам, что второго ноября у нас концерт. Финальная репетиция будет первого числа. Надеюсь, все готовы?

— Конечно, миссис Уайтстоун, — ответили мы хором.

— На концерт придет ректор университета, так что не подведите.

Мы синхронно принялись переодеваться в уличную одежду. Пытаясь натянуть кроссовки, я засмотрелась на стену. Здесь, в память о Лусии и Герте, погибших в той автокатастрофе, висели их портреты с выступлений. Сначала меня взбесило, что хореограф посмела повесить перед моим носом фото самого любимого человека на свете. Будто нарочно хотела причинить мне боль. Но миссис Уайтстоун сказала:

— Кэтти, моя милая девочка, мне очень жаль. Знаю, что тебе приходится тяжелее всех нас, связь двойняшек нерушима. Но мы тоже любили Лусию и гордились ею. Она была одной из самых ярких звездочек балета за всю мою карьеру. Никто так не отдавался сцене, как она. Ты ей почти не уступала, но такого огонька в глазах у тебя никогда не было. Эта ужасная трагедия всех нас подкосила, но теперь ты здесь, и, я уверена, мечты Лу осуществишь именно ты.

Три года назад это высказывание меня растрогало. Сегодня я смотрела на их портреты с мыслью о том, почему никого не интересуют *мои* мечты.

Спускаясь по лестнице к выходу из студии, я рыскала в сумке в поисках воды, но наткнулась на смятую листовку. Точно, Холли. Достав небольшой синий флаер, я прочла рекламу:

«ВНИМАНИЕ, ПРИНСТОН, КАСТИНГ!
МЫ ЗНАЕМ, ЧТО СРЕДИ СТУДЕНТОВ ПРИНСТОНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЕСТЬ МНОЖЕСТВО ТАЛАНТОВ.
ЕСЛИ ТЕБЕ ОТ 18 ДО 23, ТЫ УМЕЕШЬ ТАНЦЕВАТЬ
И ЗНАЕШЬ, КАК ПОКАЗАТЬ СЕБЯ,
МЫ ЖДЕМ ТЕБЯ НА КАСТИНГЕ В СОСТАВ ТАНЦОВЩИЦ
ДЛЯ КЛИПА ПОПУЛЯРНОГО РЭПЕРА **ВИДЖЕЙ ТАГА**
2 НОЯБРЯ, 10:00, ФИЛАДЕЛЬФИЯ,
СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ НА МЕМФИС-СТРИТ»

— И что это за... — пробурчала я.

Заиграла песня Timbaland (feat. Keri Hilson) «The Way I are», флаер чуть не вылетел из моих рук в окно, пока я пыталась достать телефон. Звонил папа.

— Да, папочка!

— Привет, милая. Как дела? Ждать тебя на выходные?

Папин голос, родной и громкий, мгновенно окутал меня спокойствием.

— Пока не знаю. Хотелось бы приехать, но это не точно. У нас будут вечеринки в честь праздников. — Я чесала нос на ходу. — Сейчас выхожу из класса балета. Как у тебя дела? Как бабуля?

— О, вечеринки! — Папа что-то неразборчиво пропыхтел. — Ты, кажется, давно на них не ходила?

— Ни разу, если честно, — выдохнула я.

С момента поступления моей энергии хватало только на то, чтобы дойти до аудитории или балетного класса. Я даже новых вещей не покупала